

Мое приложение к моему экземпляру книги А.М.Радькова "Мой физмат"

С благодарностью автору за идею и ее реализацию

Пётр Георгиевич РАБЗОНАЎ,
кандидат педагогических наук, дацент, были выкладчик
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова,
были дырэктар Сацыяльна-гуманітарнага каледжа
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова:

За последние 17 лет мне не довелось встретиться с Александром Михайловичем Радьковым и поговорить с ним хотя бы несколько минут. Но все эти годы он все равно был как бы рядом со мной и не только потому, что очень часто приходилось мысленно советоваться с ним, размышлять, как он оценил бы те или иные мои действия. Он был рядом еще и потому, что каждый раз, возвращаясь с мероприятий, присутствовавшие там сотрудники университета передавали привет от Радькова иногда просто физмату, иногда с перечислением отдельных имен. Эти немногие слова от разных людей убедительно показывали, что высокие должности и беспредельная занятость не оторвали Радькова от университета и родного физмата, что он всегда знал, чем они живут.

И вот книга "Мой физмат" в моих руках...

Один только взгляд на оглавление — и я мгновенно окунулся в свою молодость. Потом, с каждым последующим эссе, книга постепенно перемещала мысли по годам, десятилетиям и возвращала к настоящему, сюда, где каждого из нас не отпускает свой физмат.

Я живу им с 1965 года, хотя и раньше мне приходилось слышать имена Мазаника, Столяра и других от моих школьных учителей и на городских олимпиадах по математике. Сегодня я хорошо понимаю, что годы студенчества, каждая лекция, семинары, экзамены — это подарок судьбы.

На встречах с однокурсниками мы всегда вспоминали случаи из жизни, связанные с нашими преподавателями. Со временем обнаружилось, что мы по-разному относимся к своему прошлому, вспоминаем события, которые неизвестны другим участникам беседы, и я пришел к совершенно простой и очевидной мысли — у каждого из нас есть свой физмат, а все вместе они и представляют наш физмат.

Сегодня на суд общественности А.М.Радьков представил свой "МОЙ ФИЗМАТ", а мне подумалось, что в этой работе не хватает одной главы. Она могла бы называться:

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РАДЬКОВ

Конечно, с позиции автора в ней нет необходимости. Когда первые эмоции уйдут на задний план, но все еще не позволят закрыть эти страницы, заставят раз за разом возвращаться к ним, становится совершенно очевидным, что такую главу о себе Александр Михайлович написал. И ее содержание находится не только в предисловии и некоторых эссе, где он говорит о себе. Очень важное и интересное находится в тех частях, где в каждом рассказе через свои взаимоотношения с разными людьми, через их яркие характеристики он опосредованно представляет нам и самого себя. Существующий на каждой странице в явном или неявном виде Радьков делает эти, казалось бы разрозненные эссе цельным литературным произведением, что и позволяет ответить на вопрос "А почему Радьков? Почему именно он создал такое произведение, а не кто-то другой из многих-многих моих коллег, в том числе и я, чья жизнь и есть физмат?".

Думается, именно потому, что он умел видеть в каждом из нас не просто сослуживца, а в первую очередь единомышленника во всем спектре человеческих интересов. Именно Александр Михайлович стер грань между производственным и бытовым в своих взаимоотношениях с нами. С каждым он смог связать дружескими узами, зачастую выходя и на семейный уровень. Основой этих связей, конечно же, был уровень профессионализма членов нашей физматовской семьи, наши научные достижения.

В полной мере это ощутил на себе и я. Мне лестно слышать о том, что он знал меня в качестве старшекурсника. Между нами разница в три курса и пропасть между областями наших интересов вне непосредственно физико-математического образования. Поэтому в студенчестве мы не были знакомы лично. Служба в армии, аспирантура в Минске, и в итоге мы с ним встретились уже как коллеги только через 10 лет после моего выпуска из института.

Вернувшись из аспирантуры, через непродолжительное время я обнаружил, что тот Олимп, на который я мысленно вознес своих учителей и коллег, начинает наполняться новыми людьми. Среди них мой однокурсник Морозов и учившийся рядом со мной на год-два позже Лаготин, Чеботаревские, Петровский, Устинова и другие. Они быстро нарабатывали такой же авторитет, как и наши учителя, и среди них нельзя было не заметить Радькова. Нельзя было не видеть, что он увлечен научно-педагогическими исследованиями в интереснейшей области. С одной стороны, это педагогика высшей школы, с другой — педагогическое тестирование, о котором мы тогда знали только то, что оно успешно развивается в далеких Штатах, выполняя лишь функцию контроля качества школьного образования. А вот обучающие возможности, да еще на материале высшей школы — это было ново, необычно, вызывало интерес к его докладам на методических семинарах. Хорошо было видно, что и студенты вовлечены в эту работу, будучи участниками педагогического эксперимента, который впервые для физмата проводился не в школах города, а здесь, в стенах института.

Вот маленький штришок к его портрету тех лет. Заместителя декана по учебной работе очень часто можно застать в глубоко задумчивой позе около расписания занятий, которое нуждается в постоянной корректировке по самым разным причинам. Однажды, проходя мимо Радькова, решающего очередную организационную задачу, и стараясь не нарушить его рабочего ритма, вдруг слышу: «Ну, Рабзон, все расписание заплет-

вал». Заинтригованный, я остановился. Оказалось, что моя очень высокая в тот год аудиторная нагрузка привела к тому, что мои занятия очень трудно сдвинуть, перенести в другую клеточку расписания для удовлетворения какой-то производственной необходимости. Вместе мы нашли приемлемый вариант, и Александр Михайлович стал вписывать изменения, но вдруг остановился и произнес:

— Вот смотри, такое незаметное изменение на листе бумаги, а оно вторгается в реальную жизнь человека. Оно определяет как минимум его завтрашний день, а может, и не его одного. На острие моего карандаша сейчас находится то, что будет происходить завтра со многими людьми.

Позднее, уже когда я сам работал над факультетским расписанием, я отчетливо понял, что в тот день Радьковым руководило вовсе не тщеславие, вовсе не чувство власти над кратковременными периодами жизни сотрудников, а совершенно наоборот — в той фразе вместились чувство глубокой ответственности за результаты своего труда, труда тех, кто находится рядом. Составляя расписание, заместитель декана, кроме простейших требований если не научной, то хотя бы просто разумной организации труда студентов и преподавателей, должен учитывать и множество других факторов. Конечно, он не знает, что не единжды, когда я пытался отказать кому-либо из преподавателей в просьбе подправить расписание в его пользу, тот обиженно произносил: "А вот Александр Михайлович всегда..."

И я брался за работу. Я действительно знал, как чутко относился Радьков к личным просьбам, сам неоднократно получал желаемое. Ни один факультет не имел такого качественного и "бесконфликтного" расписания, как физмат.

Кстати, в учебный отдел меня привел именно Радьков. Однажды мне удалось разработать концептуально новый сценарий факультетского конкурса "Лучший будущий учитель" и успешно провести его в качестве ведущего. Впервые он принял вид своеобразного шоу, в котором студенты на сцене решали педагогические задачи, в том числе с участием приглашенных школьников. Немедленно последовало предложение сделать это и на университетском уровне. Вот там меня и заметил Александр Михайлович в совершенно новом качестве.

А через полгода мы с ним по поручению ректора с головой окунулись в хлопоты по преобразованию института в университет, и в мои заботы, кроме должностных обязанностей, вошли задачи, зачастую выходящие далеко за рамки функций начальника учебного отдела. Такая ситуация сохранилась и после завершения аккредитации. Последующие шесть лет по многим вопросам мне повезло очень плотно (по его выражению) работать рядом, набираясь управленческого опыта, которым он щедро делился со мной.

Отмечу, что, работая вместе, мы ни разу не обсуждали вопросов моих научно-педагогических исследований, хотя процесс подготовки диссертации затяннулся. Впрочем, уже в самом конце нашей совместной работы кратенький разговор все же состоялся. Однажды Александр Михайлович заинтересовался, когда же наконец диссертация будет представлена к защите.

— Да скоро, — неловко стал оправдываться я, — вот только закончу это ваше поручение и еще вот здесь...

— Все, все, все, — рассмеялся Радьков, — можете не продолжать. Никогда не закончите.

Так конкретно в мой адрес короткой репликой было сформулировано основное требование к своим сотрудникам: если для тебя наука находится во втором плане, то тебе не нужно рабо-

тать в высшей школе; не ищи оправданий неудачам, ищи средства их преодоления. Полученного урока хватило для форсирования работы, и через пару месяцев она была завершена.

После приобретения университетского статуса мы получили право открыть подготовку и по педагогическим специальностям. Начали с того же, что и другие как частные, так и государственные вузы — экономика и право. Первые студенты поступали к нам охотно, однако с некоторой настроенностью. Созданный новый факультет расположился в старом учебном корпусе, его занятия проводились параллельно с занятиями факультета физвоспитания в условиях, которые уже не вполне удовлетворяли современных молодых людей. К тому же у нас, в отличие от других моголевских вузов, не сформировалось тогда еще соответствующего педагогического коллектива, а значительная часть студентов оплачивала свое обучение. Назревал конфликт. К студентам поехал Радьков.

Надо было видеть его по возвращении! Он торжественно заявил:

— Петр Георгиевич, каждый студент, выступивший на собрании с претензиями, предложениями, просьбами, неоднократно произнес: "НАШ УНИВЕРСИТЕТ". Это значит, что они признали нас! Признали университетом! Они готовы вместе с нами пройти путь становления новой специальности.

В своих воспоминаниях Александр Михайлович достаточно полно раскрыл тему застоя на факультете. Больше всего мне запомнилось застолье в узком кругу двух относительно высокопоставленных чиновников из Минска. Мы проводили его довольно далеко от города. Назад вернулись уже ночью в весьма приподнятом настроении. Расставались долго, любовались звездным небом, пытались завершить начатые ранее темы, да вот внезапно появились новые. И вдруг Александр Михайлович обратил наше внимание на яркую звезду:

— Посмотрите, это же... (далее последовали названия звезды и ее родного созвездия, которых я сегодня уже не помню).

— Ну, надо же, — изумились мы с минчанами, — так вы еще и астроном?

— Любитель, коллеги, любитель, — отговорился Радьков, — просто увлекаюсь немного наблюдениями.

В одном из своих эссе он подробно описывает это увлечение, но в ту ночь я об этом не знал, и меня потянуло на юмор.

— А это не звезда, — говорю, — это сияет фонарь на высокой мачте грузовой железнодорожной станции.

Станция с мачтами действительно была недалеко от нашего института, что и позволило мне придумать, может быть, не вполне уместную шутку. Все-таки объектом был мой начальник, а рядом находились его начальники, приехавшие контролировать нашу работу. Но как-то все обошлось. В тот момент настала очередь прощальных рукопожатий, и мы разошлись, унося с собой растворяющиеся в ночной темноте слова: звезда, ха-ха-ха, фонарь.

Придя домой, я только и смог, что добраться до постели, ведь рано утром снова на работу.

А Радьков, придя домой, нашел в себе силы не броситься в постель, хотя и ему утром идти на работу. Он уселся за книги. Интернета в наших домах тогда еще не было.

Назавтра ровно через пять минут после начала рабочего дня я был приглашен "на ковер". Ну вот, допрыгался, подумалось по дороге к кабинету. И черт меня дернул с этим фонарем.

В кабинете Александр Михайлович четко, поделовому наметил план нашей работы на день, а потом назидательно и с отчетливым торжеством произнес:

— Петр Георгиевич, это не фонарь. Это звезда... (далее следуют два красивых названия, которые мне следовало бы "зарубить на лбу"). Это звезда, а не фонарь. Я поднял справочники и убедился в том, что знал и без них. В эту пору ее координаты находятся именно там, куда я и показал.

В тот момент я был огулен не столько энциклопедическими знаниями Александра Михайловича, сколько его уникальной работоспособностью. С трудом проборматов челепые оправдания, отправился проинформировать гостей о действительном положении дел. А те были рады и восстановленной в правах звезде, и выполненному мною дополнительному поручению подлечить их.

Что касается эрудиции Радькова в самых разных областях, то это могут подтвердить гости университета, приезжавшие к нам на научные конференции, производственные совещания, а также для выполнения функций контроля. В программах таких мероприятий мы всегда включали экскурсию по университету а затем по городу. Уже в учебных корпусах наши гости были поражены тем, насколько свободно Александр Михайлович рассказывал о научных исследованиях не только в рамках кафедр, но даже и в отдельных кабинетах и лабораториях. Ну а в поездке по городу комплименты ему сыпались буквально после каждой остановки у очередной достопримечательности. Не

каждый из наших историков мог так увлекательно рассказывать о Могилеве.

Вспоминаются и физматовские "Дни здоровья". Их спортивную составляющую возглавлял декан Е.Е.Сенько. Он вместе со студентами и молодыми преподавателями бегал на лыжах и в одиночку, и в эстафете, брался перетягивать канат. А его заместитель Радьков был душой "ярмарочного" компонента праздника. Накануне студенты приготовили угощения и расположились с ними на полянке зимнего леса. Получить оладушку, конфетку, блинчик или пряник было непросто. Покупались они путем исполнения танца, песенки, стихотворения. Равных Радькову не было. Не в том смысле, что он лучше всех танцевал или пел, а в том, что увлекал в это занятие всех, кто рядом.

Приближалось 90-летие со дня основания университета. Наши историки подготовили архивные материалы для юбилейного издания об его истории, однако рукопись оказалась сыроваемой в литературном отношении, в ней отсутствовал современный период.

— Петр Георгиевич, — обратился ко мне Александр Михайлович, — возьметесь довести до ума?

Не дожидаясь моего согласия, в котором наверняка и не сомневался, добавил: нужно хорошо поработать, НА ВЕКА делаем.

Спокойная работа над давно ушедшими периодами истории университета через некоторое время сменились существенным напряжением при переходе к современному этапу. С одной стороны, предстояло описать деятельность трех ректоров (Е.П.Курдюков, М.А.Авласевич, А.М.Радьков), установив оптимальный баланс в оценке их роли в достижениях университета. С другой стороны, предстояло решить задачу отражения в этом издании роли его рядовых сотрудников. Обо всех ведь не напишешь, разве что просто перечислишь. А они, прознав о моей работе, зачастили в кабинет и как бы между прочим интересовались, а как там звучит та или иная фамилия. Никогда бы я не справился с этой проблемой без помощи Радькова. Ведь он знал этих людей и по работе, и во многих случаях по семейным отношениям еще со студенческих лет.

— Ссориться ни с кем нельзя, — ответил он однажды на мое предложение поспорить с одной организацией, плохо выполняющей наш заказ. И в этом был весь он со своим беспредельно бережным отношением к людям.

Это было еще и время работы над документами государственного статуса. Нам приходилось проводить экспертизу Концепции педагогического образования в стране, Общегосударственного классификатора специальностей, типовых учебных планов нового поколения и др. Приближался период стандартизации образования и внедрения Системы менеджмента его качества. Кроме содержательной работы над документами, мы обязаны были обеспечить и своевременность представления своих рецензий в министерство.

И я получил право входить в кабинет ректора вне очереди.

Да, в кабинет первого проректора была очередь. В свое время она развернулась на 180 градусов и стала очередью в кабинет ректора. Дело происходило в одной и той же приемной. Однажды я находился в ней за несколько минут до окончания обеденного перерыва. Ровно в 15.00 секретарь выглянула в коридор и с улыбкой произнесла: "Вот, хоть часы проверь — ВЕДУТ нашего Александра Михайловича". Я знаю, что она увидела — по длинному коридору учебного корпуса идет Радьков в сопровождении нескольких человек. Они дождались его у входа и пытаются на ходу решить какие-то вопросы, а может, рассчитывают проникнуть вместе с ним в кабинет, минуя очередь. Я понимаю, что некоторые мои коллеги несколько злоупотребляют близостью своих отношений с Радьковым в прошлые годы. Понимает это и он, тем не менее каждый получает свою долю внимания. В деловой, рабочей атмосфере очередь постепенно рассеивается. И я знаю, что каждый вышедший из кабинета унес с собой одобрение его предложений, направленных на развитие университета, даже если они кому-либо могли показаться малозначительными.

Университет работал с Александром Михайловичем в бесконфликтной обстановке, в отличие от соседних вузов, куда время от времени вынуждены были наезжать министерские "пожарные команды". "Мафию победить нельзя, но ее можно возглавить", — изрекал говорил Радьков, когда местные либо вышестоящие власти предьявляли, на наш взгляд, чрезмерные или вовсе ненужные требования, а мы все равно были вынуждены их выполнять. Шутка шуткой, а пришло время, и мы смогли понять и оценить тактику, выбранную Радьковым на пути своего карьерного роста. В разных частях книги он ее описывает сам, нет необходимости повторять, а остается только констатировать, что Александр Михайлович Радьков в университете показал высочайший уровень культуры взаимоотношений ректора с его единомышленниками во всем спектре должностей: от лаборанта до профессора.